

Становление и развитие армии Ирака в условиях кризиса 2003–2017 гг.

Аннотация

Введение. Авторы рассматривают вопрос построения новой иракской армии после ее ликвидации в 2003 г. в результате оккупации Ирака силами возглавляемой США коалиции. Изучение проблем военной безопасности в Ираке приобретает актуальность в контексте сохранения угроз международного терроризма и экстремизма на Ближнем Востоке. Исследование постаддамовской иракской армии позволит пролить свет на процесс становления и эволюции армии в условиях многосоставного общества с зависимым от оккупационных сил правительством. Авторы также предпринимают попытку выявить особенности политики иракского правительства по реформированию армии после кризиса 2014 г. и до разгрома Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)¹ в 2017 г., а также изучить политику правительства в отношении возрождения оборонно-промышленного комплекса.

Материалы и методы. В качестве методологической концепции нашего исследования выбран системный подход, который акцентирует внимание на отдельных элементах обозначенной проблематики во взаимосвязи и воздействии на них внешних условий. Соответственно, вооруженные силы Ирака помещены в контекст социально-политического развития страны в период после свержения режима президента Саддама Хусейна в 2003 г. Статья также опирается на метод анализа документов на английском и арабском языках и на отдельные работы отечественных и зарубежных авторов, связанные с проблематикой постконфликтного восстановления вооруженных сил.

Результаты исследования. В новой иракской армии после 2003 г. наблюдался управленческий кризис, вызванный запретом армии предыдущего режима и отсутствием надлежащего уровня стратегического мышления у политиков и военных постаддамовского периода. Старшие и младшие командиры часто отбирались в соответствии с принципом «мухасаса таифийя» (квотирование мест по этноконфессиональным особенностям, их весу и договоренностям между иракскими общинами. – Р. М., Д. З.) Процесс восстановления армии с 2014 г. был устойчивым, но очень медленным (на это влияло также то, что мобилизованные солдаты в основном входили в новую параллельную структуру – Силы народного ополчения). Ирак продолжал оставаться в серьезной зависимости от импорта вооружения, боеприпасов и комплектующих материалов. Несмотря на значительные успехи отрасли в таких сферах, как ремонт бронированной техники и артиллерийских систем, по состоянию на 2017 г. иракские власти не смогли добиться успеха в запуске массового производства боеприпасов. Тем не менее авторы фиксируют усиление сил безопасности Ирака, включая армию, на фоне победы над ИГИЛ.

Обсуждение и заключение. После вторжения США в 2003 г. в Ираке так и не было предпринято реальных попыток построить эффективные государственные структуры, отвечающие потребностям нового этапа политического развития. Перед армией Ирака де-факто

¹ Также известно как Исламское государство (ИГ) организация, запрещенная в Российской Федерации.

ставились такие главные задачи, как борьба с террористами и обеспечение внутренней безопасности. Возникновение Исламского государства (ИГ) подвергло очередному испытанию на прочность сложившиеся к 2014 г. иракские институты – в первую очередь институты системы безопасности. По итогам борьбы против ИГ армия Ирака вышла победителем, однако выросла конкуренция с другими – и вновь образованными – органами системы безопасности, что определило дальнейшее развитие вооруженных сил страны.

Ключевые слова: армия Ирака, система безопасности, оборонно-промышленный комплекс, импорт и экспорт вооружений.

Для цитирования: Мамедов Р. Ш., Закиев Д. Р. Становление и развитие армии Ирака в условиях кризиса 2003–2017 гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 110–127. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.110-127.

Ruslan Sh. Mamedov¹, Danil R. Zakiev²

^{1,2} Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

¹ e-mail: rshmamedov@yandex.ru

² e-mail: danzakiev63@gmail.com

Formation and Development of the Iraqi Army in the Context of the Crisis of 2003–2017

Abstract

Introduction. In this article the authors consider the issue of building a new Iraqi Army after its liquidation in 2003 as a result of the occupation of Iraq by the US-led coalition forces. The study of the problems of military security in Iraq becomes relevant in the context of continuing threats of international terrorism and extremism in the Middle East region. The study of the post-Saddam Iraqi army will shed light on the process of formation and evolution of the army in a multi-component society with a government dependent on the occupation forces. The authors also attempt to identify the specifics of the Iraqi government's policy of reforming the army after the 2014 crisis and before the defeat of ISIS in 2017, as well as examine the government's policy towards the revival of the defense industrial complex.

Materials and Methods. The methodological concept of our study is the systemic approach, which focuses on the individual elements of the identified problems in their interrelationship and the impact of external conditions on them. Accordingly, the Iraqi armed forces are placed in the context of the socio-political development of the country in the period after the overthrow of the regime of President Saddam Hussein in 2003. The article is also based on the method of analyzing documents (in English and Arabic) and on some works of domestic and foreign authors related to the problems of post-conflict reconstruction of the armed forces.

Results. The new Iraqi Army after 2003 experienced a management crisis caused by the previous regime's banning of the army and the lack of an appropriate level of strategic thinking among post-Saddam politicians and military officers. Senior and junior commanders were often selected according to the principle of 'muhasa taifiyya', or quota seats based on ethno-religious characteristics, their weight and agreements between Iraqi communities. The process of rebuilding the army was steady but very slow (this was also influenced by the fact that mobilized soldiers were mostly part of a new parallel structure, the Popular Militia Forces, from 2014). Iraq continued to be heavily dependent on imports, both of arms and ammunition and of component materials. Despite significant industry successes in areas such as the repair of armoured vehicles and artillery systems, as of 2017, the Iraqi authorities have been unsuccessful in launching mass production of ammunition. Nevertheless, the authors document the strengthening of Iraq's security forces, including the army, amid the victory over ISIS.

Discussion and Conclusion. In Iraq, after the US invasion in 2003, no real attempt was made to build effective state structures that would meet the needs of the new stage of political development.

The Iraqi government de-facto set the main tasks of the Iraqi army as combating terrorists and ensuring internal security. The emergence of IS put the established Iraqi institutions – first of all, the institutions of the security system – to another test by 2014. The Iraqi Army emerged victorious in the fight against IS, but competition with other – and newly formed – security institutions increased, which determined the further development of the country's armed forces.

Keywords: Iraqi Armed Forces, Iraqi Security forces, Defense industry of Iraq, modernization of the Iraqi army, military expenditures of Iraq, Iraqi Arms imports.

For citation: Mamedov R. Sh., Zakiev D. R. Formation and Development of the Iraqi Army in the Context of the Crisis of 2003–2017. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 110–127. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.110-127.

Введение

Вторжение коалиции государств во главе с США в Ирак и свержение режима президента Саддама Хусейна в 2003 г. привели к распаду государственности и подрыву институтов безопасности страны. Оккупационные власти приняли решение о роспуске армии, спецслужб и иных органов безопасности, связанных с правящей до 2003 г. Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ, далее – «Баас»). В этих условиях возникли два параллельных процесса – партизанское движение противостояния оккупантам (смешанного с деятельностью террористических группировок) и строительство оккупантами и зависимым от них постсаддамовским правительством новой системы безопасности.

Несмотря на то что, согласно многочисленным прогнозам, вывод американских войск в 2011 г. должен был способствовать усилению иракского государства, в действительности данное событие сыграло ключевую роль в ослаблении государственных институтов [4, с. 64]. Фатальное ослабление иракской армии, а также деградация ее возможностей в самостоятельном решении боевых задач и обеспечении безопасности страны стали очевидными после форсированного сокращения военного присутствия США в Ираке.

Помимо вывода американских войск в 2011 г., среди причин развития нового

кризиса отмечается неэффективность государственной политики и неспособность иракской власти разрешить назревшие социально-экономические проблемы, которые стимулировали рост безработицы и обнищание населения. Кроме того, центральное правительство было дискредитировано высоким уровнем коррупции.

Вопрос состояния, реформирования и перспектив института армии в Ираке, как и история иракской армии, разрабатывался в работах Г. И. Мирского, В. П. Юрченко, Р. Ш. Мамедова, Г. Л. Крылова. В зарубежной литературе известны труды М. Найтса, И. Рудольф, Х. Малика, Дж. Дури-Агри, О. Кассима, П. Мартина. В данных исследованиях отражена структура боевых подразделений армии Ирака, а также рассмотрены проблемы, с которыми сталкивалась иракская армия с 2003 г. вплоть до объявления победы над ИГИЛ в 2017 г.

1. Становление «новой» армии в условиях иностранной оккупации 2003–2011 гг.

После вторжения коалиции государств во главе с США в Ирак в 2003 г. была создана Временная коалиционная администрация (ВКА) – оккупационный орган для управления Ираком. ВКА поспешила объявить о запрете правящей до того партии «Баас» (Приказ № 1 ВКА). Руководитель ВКА Пол Бремер 23 мая 2003 г. подписал Приказ № 2 «Роспуск иракских организаций» (هذه هي قائمة المنظمات العراقية التي تم حلها)².

² См.: Приказ № 2 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171014034248/http://www.iraqlid.iq/pdf/2003/r8730.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

Согласно данному приказу, были распущены следующие организации: Министерство обороны, Министерство информации, Министерство по военным делам, Служба разведки Ирака, Национальное бюро безопасности, Управление национальной безопасности, Специализированная организация по безопасности. Также были расформированы следующие военные структуры: армия, ВВС, ВМС, силы ПВО и другие регулярные военные службы; Республиканская гвардия; Специальная Республиканская гвардия; Управление военной разведки; Силы «аль-Кудс»; Силы особого назначения (по чрезвычайным ситуациям).

Такой подход, названный в научной литературе «дебаасификация» (по примеру «денацификации» Германии), привел к тому, что сотни специалистов – как бюрократов партии, так и военных – лишились работы. Это закладывало мину под строительство нового иракского государства и стало одной из причин будущих партизанских движений против оккупантов и установленного ими слабого иракского правительства. Тем не менее стоит отметить, что раздел 5 Приказа № 2 предусматривал создание «новой, профессиональной, аполитичной, эффективной военной структуры Ирака» под гражданским управлением.

Приказ № 22 о формировании новой иракской армии (ديديج يقيار ع شيج لي كيششت) был издан Полом Бремером 8 августа 2003 г. В нем была отмечена необходимость безотлагательного создания вооруженных сил для самообороны свободного Ирака³. Из раздела 9 Приказа № 2 следует, что военнослужащие новой иракской армии не

могут участвовать в любой деятельности каких-либо политических партий и организаций, а также не могут работать над привлечением новых членов в ряды политических партий. Данный принцип также закреплен в ст. 9 Конституции Ирака⁴. Все-му личному составу вооруженных сил Ирака не разрешается выдвигаться в качестве кандидатов на выборах на государственные посты и вовлекаться в избирательную кампанию других кандидатов.

Вооруженные силы США приступили к работе по созданию новых вооруженных сил Ирака и воссозданию силовых ведомств, однако реальные цели оккупантов оставались неясными. Распространено мнение, что после 2003 г. у американцев отсутствовало стремление создавать для Ирака армию, способную к отражению внешних угроз. Согласно американскому плану, иракская армия должна была состоять из трех дивизий, каждая из которых включала бы 27 механизированных и легких полков и насчитывала бы 12 тыс. солдат [2]. Главной задачей перед армией ставилась охрана границ.

В соответствии с Приказом № 28 в сентябре 2004 г. был сформирован Иракский корпус гражданской обороны (عافدلا قل اي ف يقيار ع ل ي ن ط م ل / ICDC – Iraqi Civil Defense Corps) в качестве сил поддержки коалиции⁵. Согласно п. 4 раздела 1, ICDC отличались от иракских полицейских сил и новой иракской армии и имели целью проведение операций, выходящих за рамки полицейских возможностей. Согласно п. 4(b) Приказа № 28, члены ICDC не входили в состав вооруженных сил Ирака. Тем не менее, согласно

³ См.: Приказ № 22 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171016153433/http://www.iraqlid.iq/pdf/2003/a8758.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

⁴ См.: Конституция Ирака. Статья 9. URL: <https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ См.: Приказ № 28 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171016133444/http://www.iraqlid.iq/pdf/2003/a8764.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).

Приказу № 73 от 25 апреля 2004 г., ICDC был передан в подчинение Министерства обороны Ирака⁶.

8 июня 2004 г. Совет Безопасности (СБ) ООН принял резолюцию о скором прекращении периода военной оккупации и передаче власти временному правительству⁷. 28 сентября 2004 г. была распущена Временная коалиционная администрация. Однако, согласно принятой СБ ООН резолюции 1546, «многонациональные силы» продолжали оставаться в Ираке.

В 2006 г. США обучили и передали под контроль иракского командования 10 дивизий⁸. С июля 2006 по июнь 2009 г. силы коалиции поэтапно передавали национальной армии контроль над иракской территорией. В связи с внутренним недовольством в США по поводу присутствия в Ираке администрация США при президенте Бараке Обаме (2009–2017 гг.) приложила усилия для вывода вооруженных сил США. Официальным завершением американского присутствия называется 18 декабря 2011 г.

Согласно ст. 78 Конституции Ирака, должность главнокомандующего вооруженными силами государства занимает премьер-министр Ирака⁹. В 2007 г. для управления и координации военных операций было создано Объединенное оперативное командование (ООК) (مكتبشمال تاي لم عمل اندايق), которое подчиняется главнокомандующему вооруженными силами. Штаб-квартира ООК расположена в Багдаде. Также ООК формирует генеральный штаб сил

безопасности и осуществляет надзор над всеми оперативными командованиями.

В 2006 г. после взрыва в мечети аль-Аскари было создано первое оперативное командование, которых в период с 2006 по 2014 г. было сформировано 11 единиц [8, р. 13].

1. Оперативное командование Самарры (2006 г.)

Командование несет ответственность за город Самарра, большую часть пустыни Джазира и южную часть провинции Салах ад-Дин, включая часть северного пояса Багдада. В зоне командования проживает значительное суннитское население и располагается мечеть аль-Аскари.

2. Оперативное командование Багдада (февраль 2007 г.)

В задачи командования входит обеспечение безопасности в Багдаде и в большей части багдадского пояса. Зона ответственности представляет собой слияние зон бывших оперативных командований аль-Карх и ар-Русафа. Данное командование является одним из наиболее обеспеченных ресурсами.

3. Оперативное командование Басры (август 2007 г.)

Командование несет юридическую ответственность за всю провинцию Басра, являющуюся коммерческим центром Ирака, включая Ум Каср – единственный крупный порт Ирака.

4. Оперативное командование Найнавы (январь 2008 г.)

⁶ См.: Приказ № 73 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171016083319/http://www.iraqlid.iq/LoadLawBook.aspx?page=1&SC=&BookID=21670> (дата обращения: 03.10.2024).

⁷ См.: О принятии резолюции СБ ООН по Ираку. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1603747/ (дата обращения: 04.10.2024).

⁸ См.: Вооруженные силы Ирака после 2003 года. Досье. URL: <https://tass.ru/info/1298164> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ См.: Конституция Ирака. Статья 78. URL: <https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/> (дата обращения: 01.11.2024).

В зону ответственности командования входят крупные населенные пункты провинции Найнава.

5. Оперативное командование Анбара (август 2008 г.)

В зону ответственности командования входят города ар-Рамади, аль-Фалуджа и прилегающие пустынные районы в восточной части провинции Анбар. Командир всегда является суннитом, необязательно членом одного племени.

6. Оперативное командование Среднего Евфрата (ноябрь 2010 г.)

Командование несет ответственность за ключевые святы города Кербела и ан-Наджаф, их пустынные сектора и район города Нухайб – юг провинции Анбар. Приоритетом является обеспечение безопасности шиитских религиозных паломников и паломнических маршрутов.

7. Оперативное командование Диялы (июль 2012 г.)

В зону ответственности командования входят провинция Дияла, восточная часть провинции Салах ад-Дин и смешанный курдско-туркменско-арабский город Туз Хурмату, нефтяные месторождения Аляс и Аджилъ, а также горный хребет Хамрин. Стоит отдельно отметить влияние внешнего фактора. Провинция Дияла является жизненно важным иранским военным и экономическим пунктом входа в Ирак. Провинция Салах ад-Дин имеет религиозное значение для шиитов благодаря мечети в Самарре. Контроль над данными провинциями также предоставляет лояльным Ирану подразделениям плацдармы для давления на Иракский Курдистан.

8. Оперативное командование ар-Рафидайн (ноябрь 2012 г.)

Командование контролирует безопасность в провинциях Мутанна, Ди-Кар, Майсан, Кадисия и Васит. Безопасность на подконтрольных территориях остается уязвимой ввиду растянутости сил данного командования.

9. Оперативное командование Джазир и Бадии (февраль 2013 г.)

Командование несет ответственность за большую часть провинции Анбар к западу от города Рамади, включая западную долину Евфрата, западный район ар-Рутба и шоссе Багдад–Амман. Также контролирует большую часть пустынь Джазира и Бадия, что делает зону ответственности данного командования одной из самых крупных.

10. Оперативное командование Бабилы (Вавилон) (март 2014 г.)

В зону ответственности командования входят провинция Бабиль, южные пояса Багдада, а также город Джурф ас-Сахр.

11. Оперативное командование Салах ад-Дина (2014 г.)

Командование несет ответственность за северную половину провинции Салах ад-Дин, включая города Тикрит, Байджи и аш-Ширкат.

Подразделения сил безопасности Ирака имеют штаб-квартиры по всему Ираку, однако обычно формирования развертываются вдали от своих штабов. Подразделения не находятся в постоянном подчинении конкретных оперативных командований, а могут быть передислоцированы в зону ответственности другого командования. В свою очередь, оперативные командования выполняют функцию оперативных штабов, которые контролируют все типы подразделений сил безопасности в своей зоне ответственности.

После падения режима Саддама Хусейна для обеспечения боеготовности новой армии Ирак получил большое количество легкого вооружения и транспортных средств. Среди поставленного вооружения и транспорта, по данным SIPRI, числятся более 10 тыс. легких бронированных машин и более 100 транспортных вертолетов, а также сотни тысяч единиц стрелкового оружия. Большинство легкого во-

оружия поставлялось из США и стран Европы. Одновременно Ирак продолжал импортировать российское оружие, которое часто оплачивалось США (“The major arms came mainly from the USA. In the early years after the invasion particularly, imports of Russian arms to Iraq were often paid for by the USA”)¹⁰. Начиная с 2007 г. наблюдается тенденция к стремительному увеличению поставок американского оружия и становление США как наиболее крупного экспортера оружия в Ирак. Увеличение потока американского оружия в 2007 г. связывают в том числе с масштабной операцией, проводимой иракскими и американскими войсками против террористической организации «Аль-Каида»¹¹. С 2007 г. отмечается также тенденция к постепенному росту военных расходов Ирака: в 2006 г. показатель составлял 1,5 млрд долларов США (что составляло менее 1,5 % ВВП), поднявшись почти до 5 млрд долларов США в 2011 г. (около 2,5 % от ВВП) [9].

2. Модернизация армии Ирака в условиях кризиса 2011–2017 гг.

Следствием дебаасификации Ирака стала маргинализация суннитской части населения, прежде представляющей собой военную элиту страны, что привело к оппозиционным настроениям суннитов. В результате враждебно настроенная к преимущественно шиитскому правительству и американским оккупантам часть суннитского населения встала на путь вооруженного противостояния. Вооруженная суннитская оппозиция состояла из различных групп, главными из которых являлись бывшие баасисты и офицеры саддамовской армии, а также

боевики террористических организаций «Аль-Каида» и ИГИЛ.

В апреле 2013 г. в расположенном неподалеку от Киркука городе Хавиджа произошел разгон лагеря протестующих, в результате чего погибло 53 чел., что обострило отношения правительства Нури аль-Малики даже с суннитами Киркука, которые лояльно относились к власти в Багдаде ввиду посягательств на регион курдов. В свою очередь, убийства и аресты ряда видных суннитских политиков (влиятельный суннитский депутат Ахмед аль-Альвани был арестован, а его брат убит) способствовали нарастанию антиправительственного сопротивления.

Напряженность в суннитской провинции Анбар в 2011–2012 гг. была также в немалой степени вызвана политикой правительства Нури аль-Малики, оттолкнувшей суннитское население страны. На протяжении нескольких лет в Ираке происходила дискриминация суннитов, конфискация их собственности. Обосновывая свои действия принадлежностью суннитского населения к «Баас», правительство уволило десятки тысяч человек, среди которых были не только чиновники и сотрудники силовых ведомств, но и врачи и учителя [1].

К 2013 г. произошел стремительный рост военных расходов Ирака: с 4,7 млрд долларов США (около 2 % от ВВП) в 2012 г. до 8 млрд долларов США (около 3,2 % от ВВП) в 2013 г.¹²

В начале 2014 г. протестные выступления в провинции Анбар переросли в открытый вооруженный конфликт. В январе – мае 2014 г. боевикам ИГИЛ удалось добиться доминирования на севере Ирака.

¹⁰ См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2023/iraq-invasion-20-years-sipri-data> (дата обращения: 25.03.2025).

¹¹ Организация, запрещенная в Российской Федерации.

¹² См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data.

Остальные группировки были вынуждены либо влиться в их ряды, либо принять их руководство. С начала 2014 г. Ирак пережил ряд военных катастроф, которые пошатнули доверие страны к армии и другим органам безопасности. Группировка ИГИЛ захватила и удерживала под контролем города Фаллуджа, Мосул, Рамади. Двадцать бригад иракской армии и федеральной полиции, а также другие подразделения были разгромлены в июне 2014 г. [12]. Поражения иракских сил безопасности вызвали множество вопросов к политическому и военному руководству. Например, почему отряды Сил народного ополчения, созданные в 2014 г. во время вторжения ИГИЛ, действовали лучше существовавших ранее подразделений сил безопасности. Кризис системы безопасности 2014 г. вскрыл ряд существенных проблем организации армии, которые требовали срочных решений.

В 2014 г., согласно оценкам SIPRI, военные расходы Ирака снизились до 7 млрд долларов США (3 % от ВВП)¹³. Тем не менее авторы работы отмечают, что их оценки основаны на финансовых отчетах иракского правительства и данных Министерства обороны Ирака и не охватывают расходы на военизированные формирования, не входящие в структуру вооруженных сил Ирака. Таким образом, вероятно, данный показатель не включает в себя расходы, связанные с обеспечением формирования аль-Хашд аш-Шааби / Силы народного ополчения (араб. *بيحشال* / *دش حلا*, англ. *Popular Mobilization Forces*), созданного в середине 2014 г. и официально не входившего на заре своего существования в состав иракских вооруженных сил.

Одной из причин слабости иракских сил безопасности можно назвать незавершенность процесса восстановления

силовых структур после свержения Садда Хусейна. США ликвидировали все военные институты и военизированные формирования прежнего режима, но не довели процесс создания новых структур до необходимого уровня, гарантирующего боеспособность новой армии. В работе “The Future of Iraq’s Armed Forces” Майкл Найтс отмечает, что вооруженные силы таких союзников США, как Федеративная Республика Германия и Республика Корея, финансировались и обучались при непосредственном наставничестве со стороны американских военных на протяжении многих десятилетий, чего не произошло в Ираке. Работа над формированием и обучением иракских сил безопасности американскими войсками осуществлялась на протяжении всего восьми лет. Данный срок оказался недостаточным для гарантированной подготовки иракских сил к выполнению боевых задач в условиях современного военного конфликта [12]. Однако, по мнению авторов данной статьи, США и Иран не были заинтересованы в создании сильной иракской армии ввиду большего удобства в управлении слабыми военными структурами, в то время как новые власти Ирака не обладали достаточными знаниями, как выстраивать новую армию, и проявили неэффективность в управлении государством.

Аналогичное мнение в январе 2024 г. высказал иракский эксперт по вопросам безопасности Сафа аль-Аасам, отметив, что США преследовали цель сохранить военное присутствие в Ираке, вследствие чего не уделяли должного внимания вопросу перевооружения и организации иракской армии. Эксперт подчеркнул, что более чем через 20 лет с момента свержения режима Садда Хусейна Ирак по-прежнему не

¹³ См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data.

располагает необходимым количеством вооружения¹⁴.

Согласно п. 1 ст. 24 американо-иракского соглашения о выводе американских войск, США обязывались завершить свое присутствие в Республике Ирак до 31 декабря 2011 г.¹⁵ Для того чтобы подготовить современные оборонные институты и новое поколение хорошо обученных солдат, требовалось намного больше времени. Боевые соединения были сформированы в большом количестве, однако они не соответствовали должному уровню по таким необходимым вспомогательным подразделениям и службам, как логистика, связь, артиллерия, авиация и медицина [12].

Одной из проблем в создании данных подразделений было то, что в период своего присутствия в Ираке США предоставляли авиацию, артиллерию, связь, разведку, оказывали содействие в логистике и медицинских услугах, сосредоточившись на формировании боевых подразделений. В свою очередь, когда наращивание американцами количества боевых соединений иракской армии закончилось и можно было начать создание служб поддержки, начался вывод американских войск из Ирака.

В то же время у иракского Министерства обороны не было полномочий и административных возможностей по найму на службу новых военнослужащих и определению приоритетов необходимых служб поддержки. В декабре 2009 г. в от-

чете Министерства обороны США конгрессу отмечалось, что министерство остается под действием введенного в августе 2008 г. Министерством финансов ограничения на наем нового персонала¹⁶. Вследствие данного решения новые вспомогательные подразделения могли быть укомплектованы только за счет сокращения численности боевых бригад. Таким образом, утвержденная численность боевых подразделений снизилась, а их фактическая численность после потерь была еще ниже.

Другим фактором проблем в комплектовании иракской армии являлся недостаток финансирования. МО США также отмечало, что ограниченный бюджет способен лишь в незначительной степени поддерживать сухопутные силы и не сможет обеспечить необходимый рост и инфраструктуру¹⁷. Определенные функции, ранее выполнявшиеся американцами, не обеспечивались ресурсами в должной мере.

В декабре 2009 г. вышел отчет “Measuring Stability and Security in Iraq”. В нем утверждается, что экономический спад и падение цен на нефть резко сократят скорость, с которой иракские силы безопасности смогут достичь основных боевых возможностей, а также развивать свои объекты и закупать оборудование.

После 2003 г. в иракской армии наблюдался управленческий кризис. Старшие и младшие командиры часто отбирались в соответствии с принципом «мухасаса таифийя» [12].

¹⁴ См.: Эксперт рассказал, почему США не вооружают армию Ирака. URL: <https://ria.ru/20240110/irak-1920625874.html> (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁵ См.: Agreement between the United States of America and the Republic of Iraq on the Withdrawal of United States Forces from Iraq and the Organization of their activities during their temporary presence in Iraq. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/122074.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁶ См.: Report to Congress in accordance with the Department of Defense Supplemental Appropriations Act 2008 “Measuring stability and security in Iraq”. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/Master_9204_29Jan10_FINAL_SIGNED.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁷ См.: Report to Congress in accordance with the Department of Defense Supplemental Appropriations Act 2008 “Measuring stability and security in Iraq”. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/Master_9204_29Jan10_FINAL_SIGNED.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

Согласно данной системе распределялись государственные посты, однако этот принцип также имел распространение в армии даже среди младших командиров. Не подготовленные лица получали офицерские должности, несмотря на непригодность. В назначении командиров принимали участие политические партии, существовала практика покупки старших и младших званий. Командиры подразделений занимались выкупом арестованных гражданских лиц и получением откатов за то, что позволяли солдатам отсутствовать [13].

Наиболее значимые политические партии иракского правительства занимались переназначением высших командных должностей, чтобы гарантировать ведущее положение своих людей. Политический, племенной и семейный фаворитизм привел к тому, что самые высокие должности, отвечающие за командование на поле боя, планирование, обучение и логистику, занимали некомпетентные или низкоквалифицированные люди. Подобные командиры не были заинтересованы в дальнейшем развитии армии, а были сосредоточены на коррупционных схемах. Младшие командиры брали пример у старших.

Старший научный сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Майкл Найтс и аналитик по иракским и арабским вопросам, ранее служивший командиром роты в иракской армии, Джаббар Джаафар (رفع ج رابج) в своей статье сравнили иракские вооруженные силы с перевернутой пирамидой [13]. В армии очень многие высокопоставленные генералы командовали пересекающимися военными округами и командованиями. Часто отдавались противоречивые приказы относительно передислокации сил, что создавало брешь в обороне и боевых построениях.

Наверху системы находилась большая группа старших офицеров и штабов, которые конкурировали друг с другом и нажива-

лись на коррупционных схемах. Ниже была узкая группа хорошего младшего офицерского и сержантского состава. В то же время солдаты иракской армии не умели принимать самостоятельные решения, так как это считалось полной ответственностью командиров, даже в самых незначительных вопросах [9, р. 38]. В свою очередь, бывший посол США в Ираке Райан Крокер заявил, что проблема была не в иракских солдатах, а в командовании, отметив, что иракская армия не «прогнила до основания», а была «гнилой» наверху [10].

Тем не менее Уэсли Грей, бывший военный советник США в Ираке, отмечал низкую воинскую дисциплину при выполнении боевых задач. В своей книге он привел в пример одну из проверяемых им оборонительных позиций иракских военнослужащих: «Первая позиция, которую мы посетили, состояла из пяти иракских солдат, небольшого количества еды для завтрака, полного набора чайных чашек с заварочным чайником» [9, р. 44]. Также у американских военных советников снижалась мотивация и стремление к должному обучению иракских военнослужащих ввиду «полного отсутствия [у иракцев] желания что-либо делать, их сильной коррупции и их культурных норм лени и отсутствия инициативы» [9, р. 30]. По словам Уэсли Грея, «никакие истории от первого лица и краткие сведения об иракской культуре не могут подготовить кого-либо к уровню неумелости, лени и отсутствию мотивации, свирепствующим в иракской армии» [9, р. 66].

Советники не всегда могли заниматься деятельностью, непосредственно связанной с обучением иракской армии. Очень много времени проводилось не оптимально, например в охране конвоя, регулярно перевозившего иракских солдат в отпуск и обратно. Уэсли Грей отмечает, что коррупция в Ираке обыденна и даже уважаема. Со-

ветник сомневался в возможности изменения менталитета иракцев извне, сравнивая их коррупцию со склонностью японцев к чрезмерному труду: «Можем ли мы сказать людям в Японии, что тяжелая работа – это плохо, и что они должны просто бросить все и стать ленивее?» [9, p. 100].

В условиях вывода войск США из Ирака в 2011 г. эксперты считали, что иракские военные оснащены и обучены только для конфликтов низкой интенсивности – как силы для борьбы с повстанцами, опирающиеся только на пехоту и разведку. Эксперты прогнозировали, что в конфликте высокой интенсивности с использованием противником бронетехники и артиллерии иракская армия будет сломлена [11]. Таким образом, вооруженные силы Ирака были способны только на внутреннюю безопасность, в то время как дата вывода войск США из Ирака была сугубо политическим решением. Вывод войск США проходил в отрыве от уровня подготовки иракской армии и политического процесса в Ираке.

К 2012 г. моральный дух иракской армии был снижен из-за низкого качества руководства, отсутствия должной подготовки, негативного влияния коррупции, а также уязвимости солдат и полицейских к убийствам и запугиванию. Боевики ИГИЛ убили сотни военнослужащих во внеслужебное время, а также сотни членов их семей и разрушили их дома. Распространялись случаи самовольного оставления части, а также увольнения военнослужащих. Если в конце 2009 г. в 55 иракских бригадах насчитывалась 151 250 военнослужащих, выполняющих боевые задачи, то в мае 2014 г. в этих бригадах было всего 110 тыс. чел. [12].

К январю 2015 г. в столкновениях с ИГИЛ произошел разгром 19 армейских бригад Ирака, 14 из которых были выве-

дены из боевого состава навсегда, а 5 из них – восстановлены и реформированы. Таким образом, насчитывалось 36 боеспособных бригад численностью 54 тыс. чел. К январю 2016 г. количество боевых бригад было восстановлено до 54, однако численность военнослужащих оценивалась в 81 тыс. чел., что меньше показателя мая 2014 г. [12]. Восстановление было устойчивым, но очень медленным. Было сформировано и восстановлено множество бригад, однако ввиду истощения состава каждой отдельной бригады общая численность сил безопасности на передовой оставалась практически вдвое меньшей в сравнении с показателями 2009 г.

Тем не менее иракские силы безопасности проводили и успешные оборонительные операции против боевиков ИГИЛ. Падение города Рамади было предотвращено в декабре 2013 г., после чего город продолжали защищать от атаки ИГИЛ в течение 17 месяцев без подкрепления. Иракская армия с силами федеральной полиции и племенных группировок успешно обороняли город Хадита, его плотину и энергетические и нефтеперерабатывающие объекты. В городе Дулуыйя (ар. *دولول*, англ. Dhulu'iyā) силы безопасности с суннитскими племенами осуществляли оборону, сдерживая противника в течение шести месяцев, прежде чем осада была снята [12].

Пик военных расходов Ирака пришелся на 2015 г., когда военный бюджет составлял более 9 млрд долларов США (около 5,5 % от ВВП). Увеличение бюджета совпало с началом крупного наступления иракской армии в Тикрите¹⁸.

Иракская армия также находилась в контрнаступлении большую часть 2015 г., играя ключевую роль в самых значительных поражениях ИГИЛ в центральном

¹⁸ См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data.

Ираке – Тикрите, Байджи и Рамади. Артиллерия, танки и ударные вертолеты иракской армии сыграли решающую роль в совместных операциях с другими элементами системы безопасности – федеральной полицией, контртеррористической службой и Силами народного ополчения. Важную роль сыграла оперативная поставка Российской Федерацией вооружения и военной техники. В рамках подписанного в 2012 г. контракта Россия смогла по запросу иракской стороны в 2014 г. ускоренно поставить необходимое для выполнения боевых задач вооружение, включая танки, вертолеты и самолеты. В то же время США оказались не в состоянии так же быстро предоставить необходимый перечень военной техники на первые оперативные запросы иракцев [5]. Стоит отметить, что за 2013–2017 гг. 22 % всего вооружения, импортированного Ираком, было закуплено у России. В 2017 г. был подписан контракт о закупке российских танков Т-90С на сумму более 1 млрд долларов США.

Новые возможности, предоставленные коалицией, такие как наведение понтонных переправ и прорыв минных полей, продемонстрировали, что иракская армия проделала большой путь за 2015 г. [12]. С осени 2015 г. силы безопасности продемонстрировали устойчивость к контратакам ИГИЛ. Для закрепления на взятых под контроль территориях иракские военные использовали новое инженерное оборудование.

Большая часть военнослужащих иракской армии подчинялась оперативному командованию Багдада. На январь 2016 г. в подчинении командования насчитывалось порядка 50 тыс. военнослужащих. Майкл Найтс указывает на высокую компетентность оперативного командования Джазиры и Байды ввиду высоких показателей

выполнения боевых задач при ограниченности ресурсов (4 000 чел.), отмечая, что город Хадита оставался под контролем при небольшом количестве сил, выделенных для его защиты [12].

Что касается личного состава вооруженных сил, то уже в 2016 г. отмечались ощутимые признаки прогресса в подготовке. Обучение инструкторами коалиции увеличилось с шести до десяти недель, что дает больше времени для развития навыков, для обучения офицеров и сержантов, а также для проведения имитационных боевых учений. Появились специализированные общевойсковые программы обучения прорыву и инженерному делу [12].

В 2017 г. пресс-секретарь Совместной объединенной оперативной группы (Combined Joint Task Force / CJTF) полковник Райан Диллон в рамках операции «Непоколебимая решимость» (Operation Inherent Resolve / OIR) заявил, что с 2014 г. коалиция подготовила более 116 тыс. бойцов иракских сил безопасности. В их числе 43 тыс. иракских военных, 19 тыс. полицейских, 6 500 пограничников, 2 200 курдских бойцов Пешмерга, 14 тыс. членов контртеррористической службы и 10 тыс. племенных мобилизационных сил [приводится по: 7].

Усилия коалиции по обучению, консультированию, оказанию помощи и оснащению были сосредоточены на наращивании способности сил безопасности поддерживать на должном уровне логистику, боевые системы и поставки боеприпасов, собирать и анализировать разведанные и обмениваться информацией¹⁹. Тем не менее в докладе генерального инспектора конгрессу США за IV квартал 2018 г. по-прежнему отмечается, что вооруженные силы Ирака в значительной степени зависят от сил ко-

¹⁹ См.: Operation inherent resolve. Report to the United States congress. July 1, 2017 – September 30, 2017. Washington, 2017.

алиции по ряду функций, особенно в отношении сбора и анализа разведывательной информации²⁰. Помимо разведанных, сообщается о таких недостатках, как возможность точного удара, логистическая поддержка операций, а также сложности в вопросах самостоятельного обучения и планировании кампаний.

Коррупция в органах безопасности нередко возникала из-за отсутствия бюрократического и административного контроля. Особенно отмечается феномен «солдат-призраков», которые существуют только на бумаге, а их заработная плата фактически воруются²¹. Данная проблема фиксировалась еще в период обучения американскими военными советниками новой иракской армии после 2004 г. и до вывода войск США в 2011 г. Уэсли Грей, служивший в 2006 г. в Ираке советником морской пехоты, рассказывает в своей книге, изданной в 2009 г., что частой коррупционной схемой в Министерстве обороны Ирака было составление фальшивых списков солдат: «Списки включали имена от пятидесяти до трехсот солдат, которые недавно уволились из иракской армии. Но из-за медленного процесса обновления списков и бюрократии в министерстве обороны эти сотрудники по оплате труда могли получать плату за этих “призраков”-джунди [солдат]» [9, р. 99]. Таким образом, данная коррупционная проблема так и не была решена с начала создания новой иракской армии до 2020 г.

Среди наиболее частых коррупционных схем в иракских вооруженных силах также отмечаются nepotизм, покупка должностей с целью личной финансовой выгоды, а так-

же практика препятствования продвижению или перемещению важных документов из-за личных конфликтов между отдельными офицерами и подразделениями иракской армии²².

Таким образом, несмотря на первые поражения, в условиях современного военного конфликта иракская армия смогла доказать свою состоятельность и способность к реорганизации, повышению уровня боеспособности, решению внутренних проблем, а также поиску альтернативных источников для импорта вооружений.

3. Попытка возрождения оборонно-промышленного комплекса Ирака в 2014–2017 гг.

В 2014 г. в Ираке было учреждено Управление военной промышленности (араб. قايمة ببحر الحالى عى نصلتال, англ. Defence Industries Commission), вошедшее в состав Министерства промышленности и минеральных ресурсов (араб. نءاعمل او ءعان صال ءرازو, англ. Ministry of Industry and Minerals). В него вошли семь иракских компаний, работавших на оборонную промышленность в период руководства Саддама Хусейна. Инженерам и персоналу, прежде принимавшим участие в работе, было предложено вернуться к прежней деятельности. В 2014–2016 гг. пост министра промышленности и минеральных ресурсов занимал Насир аль-Иссави, в 2016–2018 гг. – Мухаммед Шиас-Судани (в настоящее время премьер-министр Ирака. – Р. М., Д. З.).

С 2003 г. большая часть компаний и заводов, ранее входивших в состав иракского ВПК, была связана с гражданским сектором. До июня 2014 г. иракские власти не планировали возрождать военную промышлен-

²⁰ См.: Operation inherent resolve and other overseas contingency operations. Lead inspector general report to the United States congress. October 1, 2018 – December 31, 2018. Washington, 2019.

²¹ См.: Operation inherent resolve. Lead inspector general report to the United States congress. October 1, 2020 – December 31, 2020. Washington, 2021.

²² См.: Operation inherent resolve. Lead inspector general report to the United States congress. July 1, 2021 – September 30, 2021. Washington, 2021.

ность, так как предложения правительства об индустриализации могли бы столкнуться с неприятием и обвинениями в попытках «возвращения славы прежнего режима». Однако после усиления угрозы ИГИЛ и возникновения острой необходимости борьбы с ней иракские власти вернулись к данному вопросу. Правительством страны было решено объединить компании и разработать правовую базу, связанную с военной промышленностью, ввести новые инвестиционные возможности ввиду острой нужды в современных технологиях [11].

Среди вызовов, стоящих перед отраслью, отмечались коррупция и борьба за контракты между компаниями, а также отсутствие ответственности компаний за поставленный продукт. План развития промышленности на 2017 г. включал в себя перевод 10–15 убыточных компаний в статус прибыльных. Министерство промышленности поддержало малые и средние предприятия в предоставлении возможностей трудоустройства граждан Ирака, а также поощрило развитие компетенций и инноваторство. Министерство также подготовило стратегию сокращения бедности, по которой предусматривалось создание национальной промышленности для предоставления большего количества рабочих мест, а также устранение случаев коррупции. Тем не менее отмечалось, что данные процессы встречали противодействие со стороны различных групп, по причине корыстных интересов желающих сохранить Ирак рынком сбыта для иностранной продукции [7].

Учреждение Управления военной промышленности заложило основу для будущего восстановления данной отрасли и оборонно-промышленного комплекса. Например, были продемонстрированы положительные результаты при восстановлении и ремонте старых образцов бронетехники и артиллерии. С начала 2014 г. за период около трех месяцев иракские предприятия

восстановили около 100 единиц бронетехники [3]. Помимо экономии средств, предназначенных для импорта вооружений, и снижения нагрузки на бюджет страны, стал возможным государственный контроль производства, появилась возможность привлечения бюджетного финансирования и субсидирования производств.

В 2017 г. Управлением военной промышленности было объявлено об успешном проведении очередного этапа испытаний твердотопливной неуправляемой ракеты класса «земля-земля» с дальностью действия от 5 до 15 км. Примечательно, что разработка всех компонентов и узлов ракеты осуществлялась иракскими инженерами, с использованием иракских комплектующих и на местной производственной базе. Данное событие свидетельствует о том, что иракская военная промышленность встала на путь восстановления технических и производственных возможностей. Несмотря на то что оккупация Ирака в 2003 г. силами коалиции во главе с США значительно подорвала возможности ракетных войск, а уцелевшие пусковые установки и ракеты были уничтожены, сохранившиеся наработки и отдельные элементы технологии сборки ракет позволили Ираку восстановить производство данного типа вооружений [6].

По состоянию на май 2017 г. по-прежнему сохранялась зависимость Ирака от импорта боеприпасов для легкого стрелкового оружия. Массовое производство патронов не было налажено, а то, что производилось, было недостаточным как по качеству, так и по количеству.

10 января 2018 г. в Багдаде начал работу съезд военных производителей Ирака. Открывший мероприятие министр промышленности и минеральных ресурсов Мухаммед Ши́а ас-Судани отметил необходимость альянса между государственными и частными компаниями. Принять участие в производстве стрелкового оружия и бое-

припасов было предложено 36 зарубежным компаниям, в том числе арабским. В свою очередь, иракским силовым министерствам и ведомствам было предложено организовать сотрудничество по вопросу установления регламента, способов и форм совместного управления такими производствами, подготовки местных кадров и учета опыта организации подобной деятельности в соседних странах.

Мухаммед ас-Судани подчеркнул необходимость опоры как на местный капитал, так и на инвестиционные возможности иностранцев, в том числе арабов, а также необходимость развития всех форм сотрудничества, включая слияние компаний, организацию совместного производства, предоставления лицензий и концессий. Была отмечена подготовка законодательных инициатив по стимулированию военной промышленности.

В феврале 2018 г. иностранным компаниям были направлены предложения принять участие в тендере на поставку необходимых технологий для производства боеприпасов к стрелковому оружию. Руководство Министерства промышленности и минеральных ресурсов предполагало, что Ирак способен в относительно короткий период развернуть выпуск различных образцов оружия и боеприпасов, в том числе с экспортным потенциалом. После организации производства боеприпасов планировалось наладить выпуск стрелкового вооружения разного калибра, после чего перейти к освоению ремонта и производства тяжелой техники (танков, БТР, БМП и артиллерийских систем), к чему военная промышленность Ирака была наиболее подготовлена ввиду наличия в стране хорошо оснащенных ремонтных мастерских, квалифицированных кадров, а также опыта ремонта и модернизации различных образцов бронетехники.

В то же время перспективными направлениями являлись ремонт и обслуживание

вертолетов, а также производство беспилотных летательных аппаратов. На техническом факультете Евфратского университета был разработан БПЛА «Фурат-1» («Евфрат-1»). В разработке участвовали ученые из университета Неджефа. Аппарат был собран полностью из иракских материалов и обошелся на 20 % дешевле, чем аналогичный беспилотник зарубежного производства [3].

В 2017 г. Ирак находился в полной зависимости от импорта вооружений. Тем не менее вызовы безопасности ставили перед правительством новые задачи и подвели к идее о необходимости развития собственного оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Это получило институциональное оформление. 2017 г. можно назвать рубежом в части, с одной стороны, возвращения к имевшейся ранее инфраструктуре предыдущего режима, с другой – создания новых производств простейшего типа. Это стало основой дальнейшего развития ОПК в последующий период.

Выводы

Иракская армия прошла сложный путь становления после расформирования в 2003 г. и воссоздания на новых началах. По первоначальным планам оккупационных сил, иракская армия предназначалась только для охраны границ и должна была состоять из трех дивизий общей численностью 12 тыс. чел. Задачи по обеспечению безопасности внутри государства должен был выполнять Корпус гражданской обороны Ирака. Тем не менее корпус был передан в подчинение Министерства обороны Ирака. Уже в 2006 г. США обучили и передали под контроль иракского командования десять дивизий, что говорит об увеличении численности структуры и о том, что вооруженные силы Ирака взяли на себя функцию обеспечения внутреннего порядка в стране.

В новой иракской армии после 2003 г. наблюдался управленческий кризис. Старшие

и младшие командиры часто отбирались в соответствии с принципом «мухасаса таифийя» [12]. Согласно данной системе распределялись не только государственные посты, но и должности в армии, в том числе среди младшего командного состава, что приводило к руководству подразделениями неподготовленных лиц, не способных принимать решения. Политические партии иракского правительства принимали участие в назначении командиров с целью гарантировать ведущее положение своих людей, следствием чего становилась возросшая некомпетентность высшего командного состава, отвечающего за командование на поле боя, планирование, обучение и логистику.

В 2014 г. произошел серьезный кризис иракских вооруженных сил, следствием которого стал разгром в столкновениях с ИГИЛ 19 армейских бригад и утратой правительством Ирака контроля над значительной частью своей территории, а также крупных населенных пунктов. Процесс восстановления армии был устойчивым, но очень медленным (на это влияло также то, что мобилизованные солдаты в основном входили в новую параллельную структуру – Силы народного ополчения). Общая численность личного состава на передовой оставалась значительно ниже предвоенного периода: даже в 2016 г. численность оставалась ниже показателей 2009 г. В наиболее тяжелый период противостояния Ирак смог получить значительные поставки россий-

ского вооружения, что позволило оперативно ввести в бой дополнительные силы.

С началом крупного вооруженного конфликта в 2014 г. власти Ирака приступили к воссозданию оборонно-промышленного комплекса, следствием чего стало учреждение управления военной промышленностью. Примечательно, что в данную структуру вошли компании, прежде работавшие на оборонную промышленность в период руководства Саддама Хусейна. К прежней деятельности смогли вернуться инженеры и персонал, занятые в данной отрасли до свержения прежнего режима. Таким образом, иракское правительство вернулось к идее необходимости иметь собственный ОПК, позволяющий в меньшей степени полагаться на импорт вооружения и боеприпасов со стороны партнеров. Ирак обладал технической базой и опытом для воссоздания военной промышленности. Инженерные кадры, занятые в производстве при прежнем режиме, смогли практически заново организовать отрасль. Несмотря на значительные успехи отрасли в таких сферах, как ремонт бронированной техники и артиллерийских систем, по состоянию на 2017 г. иракские власти не смогли добиться успеха в запуске массового производства боеприпасов для легкого стрелкового оружия. Ирак продолжал оставаться в серьезной зависимости от импорта вооружения и боеприпасов, комплектующих материалов и подготовки кадров.

Список источников

1. *Александров А. И.* О реальном влиянии баасистов на действия «Исламского государства» в Ираке. URL: <http://www.iimes.ru/?p=24916> (дата обращения: 25.12.2024)
2. *Ашур Х.* Новые иракские институты армии и безопасности. URL: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/%d9%85%d8%a4%d8%b3%d8%b3%d8%a7%d8%aa-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d9%8a%d8%b4-%d9%88%d8%a7%d9%84%d8%a3%d9%85%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%b9%d8%b1%d8%a7%d9%82%d9%8a%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d8%af%d9%8a%d8%af%d8%a9> (дата обращения: 25.12.2024). (На араб.)
3. *Ласкарис Ф. И.* О планах развития военной промышленности Ирака. URL: <http://www.iimes.ru/?p=41370> (дата обращения: 17.12.2024).
4. *Мамедов Р. Ш.* Иракские силы безопасности: сложный путь к институциональному восстановлению // Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке. М., 2019. С. 64–69.

5. Мамедов Р. III. После «Халифата»: перспективы российско-иракских отношений. М.: НП РСМД, 2018. Рабочая тетрадь № 46. 20 с.
6. Тереенков К. А. Об испытаниях Ираком новой ракеты класса «земля-земля». URL: <http://www.iimes.ru/?p=32322> (дата обращения: 17.12.2024).
7. Awad M. Anti-ISIS coalition taking different approaches in Iraq, Syria. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2017/09/21/Anti-ISIS-coalition-taking-different-approaches-in-Iraq-Syria> (дата обращения: 25.12.2024).
8. Dury-Agri J. R., Kassim O., Martin P. Iraqi security forces and popular mobilization forces: orders of battle. Washington: Institute for the Study of War, 2017. 77 p.
9. Gray W. R. Embedded: a Marine Corps Advisor inside the Iraqi Army. Annapolis: Naval Institute Press, 2009. 288 p.
10. Gwertzman B. Q&A: Ryan Crocker on Iraq's Role in the Long War Against ISIL. URL: <https://www.defenseone.com/ideas/2014/09/ryan-crocker-iraqs-role-long-war-against-isil/95273/> (дата обращения: 08.02.2025).
11. Khalil S. The Ministry of Industry and Minerals in Iraq: a new strategy for the reform. URL: <https://rawabetcenter.com/en/?p=2532> (дата обращения: 14.03.2025).
12. Knights M. The Future of Iraq's Armed Forces. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/future-iraqs-armed-forces> (дата обращения: 23.12.2024).
13. Knights M., Jabbar J. Restoring the Iraqi army's pride and fighting spirit. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/7/8/restoring-the-iraqi-armys-pride-and-fighting-spirit> (дата обращения: 23.12.2024).

References

1. Alexandrov A. I. On the real influence of Baathists on the actions of the 'Islamic State' in Iraq. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=24916> (accessed 25.12.2024). (In Russ.)
2. Ashour H. Iraq's New Military and Security Organizations. Available at: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/%d9%85%d8%a4%d8%b3%d8%b3%d8%a7%d8%aa-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d9%8a%d8%b4-%d9%88%d8%a7%d9%84%d8%a3%d9%85%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%b9%d8%b1%d8%a7%d9%82%d9%8a%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d8%af%d9%8a%d8%af%d8%a9> (accessed 25.12.2024). (In Arabic)
3. Laskaris F. I. On the plans for the development of the military industry of Iraq. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=41370> (accessed 17.12.2024). (In Russ.)
4. Mamedov R. Sh. Iraqi Security Forces: the difficult path to institutional reconstruction. *Armii i bezopasnost' na Blizhnem Vostoke i v Severnoj Afrike* = In book: Armies and Security in the Middle East and North Africa. Moscow, 2019, P. 64–69. (In Russ.)
5. Mamedov R. Sh. After the Caliphate: The Prospects of Russia – Iraq Relations. In book: Russian International Affairs Council Workbook No. 46. Moscow, 2018. 20 p. (In Russ.)
6. Tereenkov K. A. On Iraq's testing of a new surface-to-surface missile. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=32322> (accessed 17.12.2024). (In Russ.)
7. Awad M. Anti-ISIS coalition taking different approaches in Iraq, Syria (2017). Available at: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2017/09/21/Anti-ISIS-coalition-taking-different-approaches-in-Iraq-Syria> (accessed 25.12.2024). (In Eng.)
8. Dury-Agri J. R., Kassim O., Martin P. Iraqi security forces and popular mobilization forces: orders of battle. Washington, 2017. (In Eng.)
9. Gray W. R. Embedded: a Marine Corps Advisor inside the Iraqi Army. Annapolis: Naval Institute Press, 2009. 288 p. (In Eng.)
10. Gwertzman B. Q&A: Ryan Crocker on Iraq's Role in the Long War Against ISIL. Available at: <https://www.defenseone.com/ideas/2014/09/ryan-crocker-iraqs-role-long-war-against-isil/95273/> (accessed 08.02.2025). (In Eng.)
11. Khalil S. The Ministry of Industry and Minerals in Iraq: a new strategy for the reform. Available at: <https://rawabetcenter.com/en/?p=2532> (accessed 14.03.2025). (In Eng.)

12. *Knights M.* The Future of Iraq's Armed Forces. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/future-iraqs-armed-forces> (accessed 23.12.2024).
13. *Knights M., Jabbar J.* Restoring the Iraqi army's pride and fighting spirit. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/7/8/restoring-the-iraqi-armys-pride-and-fighting-spirit> (accessed 23.12.2024). (In Eng.)

Поступила 01.04.2025.

Сведения об авторах

Мамедов Руслан Шакирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия). Сфера научных интересов: элиты арабских государств, многосоставные общества, внешняя политика арабских стран. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>.

E-mail: rshmamedov@yandex.ru

Закиев Данил Рауфович – лаборант Центра исламских рукописей Института востоковедения РАН (Москва, Россия). Сфера научных интересов: элиты арабских стран, внешняя политика арабских стран. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2144-4846>.

E-mail: danzakiev63@gmail.com

Submitted 01.04.2025.

About the authors

Ruslan Sh. Mamedov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Research interests: elites of Arab states, multi-component societies, foreign policy of Arab countries. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>.

E-mail: rshmamedov@yandex.ru

Danil R. Zakiev – Laboratory Assistant at the Center of Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Research interests: elites of Arab states, foreign policy of Arab countries. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2144-4846>.

E-mail: danzakiev63@gmail.com